

УДК 316.46+323.2

Э.Н. Северин

канд. полит. наук, доц. каф. политологии и социологии
Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина
e-mail: Endhause1982@mail.ru

ПОЛИТИЧЕСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ В КОНТЕКСТЕ ТЕОРИИ МОДЕРНИЗАЦИИ

Политическая модернизация является одним из проблемных вопросов современной политической науки. Тот факт, что политическая модернизация является чрезвычайно важным явлением, подтверждается продолжающимися изменениями во многих странах, которые развивают модернизацию, понимаемую как демократизация политических систем. Системная трансформация, которая происходит в ряде стран мира, изменяет политические, социальные и экономические структуры, сформированные десятилетиями. С другой стороны, есть страны, которые уже прошли модернизацию и сейчас находятся в фазе постмодернизации политических, социальных и экономических преобразований. Политическая модернизация также усиливается современными тенденциями глобализации. Поэтому политическая модернизация всегда остается реальным политическим феноменом.

Введение

Политическая модернизация стала одним из центральных лозунгов современной политики. Процессы политической модернизации в современном мире являются одной из наиболее важных областей анализа, проводимых представителями различных гуманитарных наук, в том числе политологами. Они требуют не только научного описания, но и попыток объяснить причины и обстоятельства приема политических стандартов государствами, находящимися на этапе становления демократического развития. Это определяет способ проведения исследований, которые должны учитывать различные аспекты процессов модернизации и таким образом показывать спектр взглядов, концепций, теоретических подходов и практических аспектов реализации объяснительной функции политической науки. Они свидетельствуют о многообразном характере политической модернизации, которая включает в себя такие категории, как идеи и идеологии, ценности, институты и процессы.

Категория «modern» впервые появилась в научном знании в конце V в. как термин, разграничивший христианский и дохристианский период европейской цивилизации. Современное содержательное пространство исследуемого феномена оформилось в период Просвещения. Модерным, современным с тех пор считается то, что способствует объективному выражению спонтанно обновляющейся актуальности духа времени [1, с. 40]. Методологической основой теории политической модернизации стала философия Нового времени. Концепция политической модернизации развивалась в тесной связи с концепцией секуляризма, теорией общественного договора, теорией разделения властей, либеральной политической идеологией, теорией естественных прав человека, идеей социального правового государства и др. Права человека как фактор политической модернизации поставили под сомнение традиционные основы понимания сущности политики, создав идею государственной власти на основе согласия и воли управляемых. Буржуазные революции Нового времени проходили под девизом прав и свобод человека именно потому, что они были наиболее значимым аргументом против абсолютизации государственной власти. Американский политолог, автор «Политологического порядка в меняющихся обществах» С. Хантингтон утверждает: «Революция – характерный признак модернизации... Подлинно безнадежными обществами являются

не те, которым угрожает революция, а те, которые неспособны ее осуществить» [2]. Именно актуализация вышеназванных идей, принципов и процессов, подкрепленная впоследствии возникновением национального государства и систематического капиталистического производства, сделала Европу, а затем и весь евроатлантический цивилизационный ареал источником модернизационных трансформаций в мировом масштабе. Ряд западноевропейских государств, в первую очередь Великобритания, и страны Северной Америки прошли путь модернизации политических систем в период с XVII по XX в. Является ли модернизи исключительно западным феноменом с точки зрения образа жизни? Прямой ответ на этот вопрос должен быть утвердительным [3, с. 40].

В 50-х гг. XX в. в политической теории была введена практика подразделять государства на три группы: первая (высокоразвитые капиталистические демократии), вторая (СССР и страны социалистического лагеря) и третий мир (развивающиеся страны). И в современной политической науке государства, находящиеся на «пороге» модернизации, принято определять как «страны третьего мира».

До середины XX в. важнейшая роль в процессе модернизации отводилась государству, которое должно было стать активным конструктором изменений. Автор известной концепции «стадий роста» американский ученый У. Ростоу писал: «Когда достигается независимая современная государственность, во что должна быть направлена национальная энергия: во внешнюю агрессию; в исправление старых ошибок и эксплуатацию новооткрывшихся или впервые воспринятых возможностей для расширения национального могущества; в завершение и облагораживание политической победы нового национального правительства над старорежимными интересами; в модернизацию экономики?» [4]. Предполагалось, что существует один универсальный способ политической модернизации, связывающий модели демократии и рыночной экономики, – вестернизация. На переднем плане была не политика, а экономика, потому что общепринятым считалось, что демократию легче строить из капитализма. Тем не менее процесс модернизации экономики имел характеристики политической игры, в которых решения правящих коалиций были определяющими, поскольку они обладали не только экономическим, но и политическим потенциалом. Решающим образом на качество изменений также влияли национальные политические традиции и отсутствие предпосылок развития демократической политической культуры. В итоге модернизационные процессы сопровождались политическими конфликтами, что зачастую не приводило к утверждению демократических принципов и улучшению уровня жизни.

В XX в. наряду с вестернизацией существовали и другие модели политической модернизации:

- 1) социалистическая модернизация (Советский Союз и страны социалистической ориентации);
- 2) нацистская («охранительная») модернизация в Германии; франксистская модернизация (каудильизм) в Испании;
- 3) фашистская модернизация в Италии («мечта о скоростной картечи»);
- 4) модернизационные феномены в государствах Юго-Восточной Азии и Японии («тигры» и «драконы» Азии) и др.

«Сравнительная политика свидетельствует о том, что чем больше источников власти, статуса и богатства сконцентрировано в государстве, тем труднее институционализировать демократию... Чем более значимо государство как источник престижа и привилегий, тем меньше шансов на то, что стоящие у власти – или силы оппозиции – примут правила игры», – утверждал американский ученый С.М. Липсет [4].

Первый бум концепции модернизации в начале 1960-х гг. связан с прагматическим анализом результатов инвестиционной деятельности западных государств в стра-

нах третьего мира. Попытки экспорта вестернизации в 50–60-х гг. XX в. в страны Азии, Африки и Латинской Америки привели к росту дестабилизации политических систем на национальном и региональном уровнях.

В 1970–1980-х гг. происходит переосмысление ранее утвержденных алгоритмов политической модернизации. Значимый вклад в систематизацию теории политической модернизации в контексте социологии развития (М. Вебер, Ф. Теннис, Т. Парсонс и др.) внес израильский ученый Ш.Н. Эйзенштадт. По его мнению, теория модернизации, основывается на утверждении неоднородности политического и социально-экономического развития государств: «В настоящее время существует и развивается множество цивилизаций. Проблема состоит как раз в том, что эти цивилизации, имея много сходных компонентов и постоянно находя точки пересечения между собой, продолжают развиваться, рождая новые варианты различных аспектов модернизма, каждая из которых предлагает собственную программу культурного развития. Все это способствует диверсификации подходов к пониманию модернизма и к оценке культурных программ, выдвигаемых различными частями современных обществ» [5, с. 40].

Таким образом, по мнению израильского ученого, в модернизирующихся государствах не происходила прямая адаптация западных стандартов. Согласно точке зрения Ш. Эйзенштадта, «противоречие – между уникальностью Запада и тем, что он был как бы моделью для остального мира, а с другой стороны, спецификой динамики других цивилизаций, не было вполне очевидным во времена Маркса или Вебера, когда распространение капитализма и модернизация за пределами Европы были на ранних стадиях. Но оно стало гораздо более очевидным на более поздних стадиях модернизации после Второй мировой войны» [5, с. 41]. Путь институциональных и ценностно-нормативных трансформаций был долгим даже в Европе. Нужно отметить, что процессы политической модернизации закрепились в Европе лишь к концу XX в. Западная Германия как одна из ведущих европейских стран вошла в систему «либеральной суперцивилизации» лишь после Второй мировой войны [6, с. 37].

Один из основателей теории модернизации американский политолог С.М. Липсет в работе «Некоторые социальные предпосылки демократии: экономическое развитие и политическая легитимность» выделил следующие условия демократии как важного фактора политической модернизации: «Во-первых, если политическая система не характеризуется ценностной системой, допускающей мирную “игру” во власть – подчинение оппозиции решениям, принимаемым теми, кто стоит у власти, и признание теми, кто стоит у власти прав оппозиции, то никакой стабильной демократии быть не может... Во-вторых, если результатом политической игры не является периодическое вознаграждение властными полномочиями одной группы, партии или стабильной коалиции, то следствием этого будет нестабильное и безответственное правительство, а не демократия... В-третьих, если не существует условий, способствующих воспроизведению действенной оппозиции, то властные полномочия (authority) чиновничества будут максимизироваться, а влияние народа на политику будет сведено к минимуму». Подобной точки зрения придерживаются и такие классики политической науки, как Г. Алмонд, Дж. Пауэл, К. Стром, Р. Далтон: «Даже, когда государства демократизируются, нет гарантий, что они даруют права человека и гражданские свободы всем своим жителям» [7, с. 41].

Американский политолог Х. Линц справедливо отмечает: «Демократия характеризуется наличием граждан, а не подданных, и потому процесс перехода к демократии нередко ставит в центр политической жизни вопросы соотношения между полисом и демосом. Из всего сказанного выше можно вывести три заключения:

1. Чем более многонациональным, многоязыким, поликонфессиональным и поликультурным является обитающее на территории государства население, тем труднее прийти к согласию относительно основных принципов демократии и, соответственно, тем сложнее становится политическая жизнь.

2. Хотя это не означает, что в многонациональных или поликультурных государствах демократию нельзя консолидировать, однако там должны быть приложены значительные усилия по созданию демократических норм, обычаев и институтов.

3. Некоторые пути разрешения проблем государственности по своей природе несовместимы с демократией» [8].

В свою очередь, С. Хантингтон в работе «Столкновение цивилизаций» [9] обосновывает цивилизационными различиями экономическое отставание одних цивилизаций и преобладание других, указывает и на объективное несоответствие определенных цивилизаций такому политико-правовому феномену, как права человека, характерному в большей степени западному обществу и христианскому мировоззрению. Хантингтон определяет взаимосвязь восточно-христианской и западно-христианской цивилизаций; таким образом, он определяет возможность реализации «западных стандартов» прав человека в условиях восточно-христианской цивилизации. При этом ученый отрицает возможность воспроизведения подобной модели в рамках исламской и конфуцианской цивилизаций.

Другой не менее известный американский политолог Ф. Фукуяма опровергает подобное мнение, утверждая, «что как в теории, так и на практике язык прав стал в современном мире единственным общим и широко понимаемым, который у нас есть для разговора о благах и целях, которые составляют предмет политики» [10, с. 155]. Он призывает вернуться к естественно-правовому источнику прав человека, выступая с жесткой критикой теологического и позитивистского подходов. «Моя точка зрения состоит в том, что привычное понимание натуралистического заблуждения само по себе есть заблуждение, и потому философии отчаянно необходимо вернуться к докантиантской традиции, которая корни морали видит в природе», – утверждает Ф. Фукуяма [10, с. 157]. Ученый исходит из того, что невозможно достичь политического консенсуса в вопросах, в которых замешана религия; нет и не может быть позитивного права, которое при этом будет еще и всеобщим, т.е. не может быть одинакового восприятия прав человека представителями различных политических сообществ и цивилизаций.

Одной из политических проблем современности стало усиление позиций религиозного фундаментализма. Появление фундаменталистских движений повлияло на весь мир. Там, где они развились в крупные политические силы, как, например, в исламских странах Среднего Востока и в индуистских и буддистских странах южной Азии, они часто стремятся создать теократические государства [7, с. 54].

В рамках третьей волны модернизации (конец 70-х – первая половина 90-х гг. XX в.) модернизационные процессы затронули страны Южной и Восточной Европы, Азии, Африки и Латинской Америки. В политической теории феномен модернизации стал рассматриваться не как условие развития, а как его функция. Новые тенденции изменяющейся политической реальности вызвали появление новой концепции – «модернизация в обход модернити». Основанием данной концепции является возможность модернизации на фундаменте сохранения национальных традиций. Как утверждает египетский ученый А. Абдель-Малек, «продвигать культуру означает продвигать не традиционную культуру, а культуру, приспособленную к XX в., которая черпает свою идентичность и традиции, открываясь всем течениям в мире» [11, с. 18]. В свою очередь, французский ученый А. Турен отмечает, что «традиции и национально-культурная идентичность не только не выступают как препятствия преобразований, но, напротив,

являются залогом успеха общественно-экономической трансформации» [12, с. 84]. В этой связи С.М. Липсет рассматривает следующие значимые критерии модернизации: экономические и культурные переменные, религиозные традиции, институционализацию и легитимность, электоральные и административные системы, роль участия гражданского общества, структурирование политических партий и верховенство права [4]. Подобной точки зрения придерживается и белорусский ученый И.И. Котляр: «Учет ценностей традиционных культур позволяет расширить и активизировать деятельность по защите прав человека. При этом учитывается, что все культуры пронизаны определенными общими принципами: ни одна культура не допускает эксплуатации человека; ни одна религия не разрешает убивать невиновных; ни одна цивилизация не принимает издевательств и террора; издеательства противостоят естественному человеческому сознанию; жестокость и беспощадность считаются неприемлемыми явлениями в любой культурной традиции» [13, с. 261].

Таким образом, в политической науке сложились два подхода к осмыслению феномена политической модернизации:

1. Либеральный (Г. Алмонд, Л. Пай, Р. Даль и др.). Сторонники данного подхода в качестве основополагающего фактора определяют уровень вовлеченности народа в систему представительской демократии. Американский политолог Л. Пай утверждает: «В любом переходном обществе сильны традиции, препятствующие развитию политики как отдельной сферы... Отсутствие четко выраженной политической сферы серьезно ограничивает деятельность любого “чужака”, пришедшего извне для выполнения какой-либо политической роли» [4]. Поэтому, по мнению одного из основоположников концепции плюралистической демократии американского политолога Р. Даля, странам развитой демократии отводится функция международного контроля за модернизационными процессами в современном мире.

2. Консервативный (С. Хантингтон, Дж. Нельсон, Х. Линц и др.). В качестве источника модернизации представители этого подхода определяют конфликт между уровнем участия народа в жизнедеятельности политической системы и готовностью институциональных структурных элементов последней к выполнению функции агрегирования и артикуляции интересов, при этом определяющим фактором модернизованности трансформирующихся сообществ является не степень демократизации, а уровень организованности и стабильности политических институтов. «Демократия, – утверждает Х. Линц, – требует государственного статуса. Без суверенного государства не может быть прочной демократии. Следовательно, без государства никакая современная демократия невозможна» [8]. «Главное в политической модернизации, – убежден С. Хантингтон, – это формирование политических институтов, способных привлечь широкие слои населения к этим преобразованиям и вместе с тем достаточно автономных, чтобы не поддаваться популистскому или лоббистскому нажиму... Может быть порядок без свободы, но не может быть свободы без порядка» [2].

Республика Беларусь находится на этапе постиндустриальной модернизации, в основу которой заложены человеческий капитал и экономика знаний, инновационные технологии и социально ориентированная экономика. Однако это не означает, что Белорусское государство сводит модернизацию до уровня простого распространения технологических инноваций с их последующей социальной адаптацией. «Все это, – утверждает известный белорусский ученый Е.М. Бабосов, – составляет неперемные атрибуты того неукротимого императива развития Беларуси в первой четверти XXI в., которым является системное осуществление постиндустриальной, информационной модернизации, базирующейся на эффективно регулируемом государством интенсивном и со-

циально ориентированном развитии рыночных отношений и базовых ценностей созданной народом национальной культуры» [14, с. 18].

На наш взгляд, методологической основой политической модернизации Беларуси является Конституция Республики Беларусь, основанная на принципах народовластия, равенства и равноправия, верховенстве закона и прав человека, идее социального правового государства. Внутренняя политика государства направлена на формирование устойчивой бесконфликтной политической системы, основной ценностью которой является человек; многовекторная внешняя политика Республики Беларусь основана на принципах стратегического партнерства и добрососедства, уважении самобытности и суверенитета стран-партнеров. Белорусская модель модернизации утверждается как непрерывное продуктивное взаимодействие между личностью, обществом и государством, как рациональная эволюция в политической, экономической и духовной сферах.

Заключение

Таким образом, истоки политической модернизации уходят корнями в меняющиеся источники легитимации власти и процесса ее приобретения, реализации и сохранения. В политической системе, основанной на традиционном источнике власти, последняя находится в традиционно установленных и институционализированных рамках. В такой системе властные полномочия имеют иерархический, а не согласованный характер. Политическая модернизация в конечном счете меняет такую структуру ролей в отношении власти. Власть перестает иметь замкнутые иерархические основания, сфера политического действия расширяется до уровня массового участия.

Политическая модернизация с учетом инклюзивного характера политической власти прямо или косвенно охватывает все сферы жизнедеятельности личности, общества и государства. Она способствует трансформации институциональной составляющей политической системы, выполняемых политическими и социальными институтами ролей, формированию нового типа политической культуры, базирующейся на ценностных демократических основаниях, реализации в рамках политических процессов идей равенства и равноправия, прав и свобод человека, секуляризма и др., обеспечивая тем самым повышение эффективности деятельности политической системы в целом.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Хабермас, Ю. Модерн – незавершенный проект / Ю. Хабермас ; пер. с нем. А. Б. Григорьева // *Вопр. философии.* – 1992. – № 4. – С. 40–41.
2. Хантингтон, С. Политический порядок в меняющихся обществах [Электронный ресурс] / С. Хантингтон. – Режим доступа: http://yanko.lib.ru/books/politologiya/huntington-polit_poryadok-ru-a.htm. – Дата доступа: 25.01.2018.
3. Новая постиндустриальная волна на Западе : антология / под ред. В. Л. Иноземцева. – М. : Academia, 1999. – 640 с.
4. Ефременко, Д. В. Концепция модернизации в зарубежной социально-политической теории, 1950–1960 гг. [Электронный ресурс] / Д. В. Ефременко. – Режим доступа: <http://www.iprbookshop.ru/22493.html>. – Дата доступа: 05.01.2018.
5. Эйзенштадт, Ш. Н. Множественность модернизмов в век глобализации / Ш. Н. Эйзенштадт // *Глобализация. Контуры XXI века* : реф. сб. : в 3 ч. / РАН, ИНИОН ; отв. ред. П. В. Малиновский. – М., 2004. – Ч. 1. – 144 с.
6. Ахиезер, А. С. Диалог как основа современного философствования / А. С. Ахиезер // *Социокультурное пространство диалога* : сборник / Науч. совет по истории мировой культуры РАН. – М. : Наука, 1999. – С. 33–57.

7. Сравнительная политология сегодня: мировой обзор : учеб. пособие / Г. Алмонд [и др.] ; пер. с англ. А. С. Богдановского ; под ред. М. В. Ильина. – М. : Аспект Пресс, 2002. – 537 с.
8. Линц, Х. Государственность, национализм и демократизация [Электронный ресурс] / Х. Линц, А. Степан. – Режим доступа: <https://www.civisbook.ru/files/File/1997-5-2-Linz-Stepan.pdf>. – Дата доступа: 23.01.2018.
9. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций : пер. с англ. / С. Хантингтон. – М. : АСТ ; СПб. : Terra fantastica, 2003. – 603 с.
10. Фукуяма, Ф. Наше постчеловеческое будущее: последствия биотехнологической революции / Ф. Фукуяма ; пер. с англ. М. Б. Левина. – М. : АСТ : ЛЮКС, 2004. – 349 с.
11. Модернизация: зарубежный опыт и Россия / В. А. Красильщиков [и др.]. – М. : Инфомарт, 1994. – 115 с.
12. Турен, А. Возвращение человека действующего. Очерк социологии : пер. с фр. / А. Турен. – М. : Науч. мир, 1998. – 204 с.
13. Котляр, И. И. Республиканский научно-методологический семинар по правам человека и гражданскому обществу как явление научной жизни страны / И. И. Котляр // Вучон. зап. Брэсц. дзярж. ун-та. – Брест, 2013. – Вып. 9, ч. 1 : Гуманітар. і грамад. навукі. – С. 259–261.
14. Бабосов, Е. М. Основные направления модернизации политической системы в Республике Беларусь / Е. М. Бабосов // Вес. НАН Беларусі. Сер. гуманітар. навук. – 2013. – № 4. – С. 18–21.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 28.03.2018

Severin E.N. Political Modernization in the Context of the Modernization Theory

Political modernization is one of the problematic issues of modern political science. The political modernization being an extremely important phenomenon is confirmed by ongoing changes in many countries of the world where modernization is being developed. Thus, modernization is understood as political system democratization. Systemic transformation occurring in several countries of the world changes political, social and economic structures formed during a long period of time. On the other hand, there are countries that have already undergone modernization and now they are in the phase of political, social and economic transformations post-modernization. Political modernization is also enhanced by modern globalization tendencies. Therefore, it should be noted that political modernization is still a real political phenomenon.